

Сигал К. Я. Об одном лексико-синтаксическом маркере языковой личности персонажа / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 127—146. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-127-146.

Seagal, K. Ya. (2021). 'Fact' as a Lexico-Syntactic Marker of the Character's Linguistic Personality. *Nauchnyi dialog*, 2: 127-146. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-127-146. (In Russ.).

УДК 81'38+81'367+81'373+821.161.1Горький.08+821.161.1Шолохов.08

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-127-146

ОБ ОДНОМ ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКОМ МАРКЕРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖА

© Сигал Кирилл Яковлевич (2021), orcid.org/0000-0001-9400-4587, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Россия), kjsseagal@yandex.ru.

Рассматривается роль установки в формировании лексико-синтаксического маркера языковой личности персонажа. Предпринята попытка показать, как благодаря установке одно и то же слово (а именно слово *факт*) в разных синтаксических употреблениях служит созданию лексико-синтаксического маркера, применяемого художниками слова с целью идентификации и характеристики разных персонажей как языковых личностей. Актуальность исследования состоит в демонстрации того, что учет прагматического уровня языковой личности дает возможность дифференцировать разных персонажей, в речи которых преобладает один и тот же лексико-синтаксический маркер. Новизна исследования заключается в объяснении того, как осуществляется лексико-синтаксическое маркирование языковой личности разных персонажей на основе одного и того же словесного элемента. На материале пьесы М. Горького «Дачники» (языковая личность Басова) и романа М. А. Шолохова «Поднятая целина» (языковая личность Давыдова) показано, что речевая индивидуализация разных персонажей посредством слова *факт* обусловлена включением этого слова в разные доминантные разновидности лексико-синтаксического маркера *факт*, соотносённости с разными установками как «от автора», так и «от персонажа», неодинаковым участием в персонажной речевой кооперации.

Ключевые слова: языковая личность; персонаж; прагматика; установка; лексико-синтаксический маркер; доминанта.

1. Введение

Антропоцентрический взгляд на язык, преобладающий в науке конца XX — первых десятилетий XXI веков, позволил лингвистам сделать особый акцент на том, что «у истоков порождения речи стоят прагматические операторы и сама языковая личность говорящего» [Кубрякова, 2012, с. 120—121]. Далеко не случайно в лингвоперсонологии, основы которой были разработаны Ю. Н. Карауловым, понимание языковой личности как

«личности, выраженной в языке (текстах) и через язык», «личности, реконструированной <...> на базе языковых средств» [Караулов, 2002, с. 38], дополняется идеей трех уровней языковой личности как модели (структурно-семантического, когнитивного и прагматического), причем прагматический (иначе — мотивационный) уровень, отражающий речевые установки, объясняет «языковое поведение личности» путем включения «в ее социально-поведенческий контекст» [Там же, с. 236—238]. Однако, как оказалось, более привычной в современной лингвоперсонологии стала реконструкция языковой личности на основе тщательного документирования преобладающих в ее речевой продукции единиц, преимущественно лексических и синтаксических [Иванцова, 2010; Шаталова, 2012], поскольку структурно-семантический уровень языковой личности сам по себе является индивидуализированным [Иванцова, 2010, с. 50]. Недостаточность такого подхода обнаруживается тогда, когда индивидуализация разных языковых личностей обеспечивается благодаря повышенной частотности в их речи одной и той же единицы языка. При обращении к художественной речи, в особенности к речевому «облику» персонажей, запечатленных исключительно через речь — свою и, безусловно, авторскую, подобный подход становится еще более ограниченным в своих объяснительных возможностях.

Как известно, Ю. Н. Караулов наиболее перспективным в рамках лингвоперсонологии считал «“изолированное” изучение языковой личности персонажа и соотнесение ее с целостным художественным образом» [Караулов, 2012, с. 33]. Предвидя критические замечания о том, что «реальной языковой личностью является автор, а не его персонаж» [Там же, с. 235], Ю. Н. Караулов писал о том, что «персонаж, в силу условности словесного искусства, обладает неполной определенностью <...> двух родов — языковой и поведенческой. Но того и другого рода даже неполные сведения о нем как о личности взаимосогласованы в художественном произведении, и это дает <...> основания соотносить эти два ряда <...> друг с другом, подходя к персонажу как к модели языковой личности» [Там же, с. 236—237]. В современной лингвоперсонологии подчеркивается недопустимость, с одной стороны, «перенесения выводов с дискурса персонажей на реальные языковые личности», а с другой стороны, «распространения характеристик героев беллетристических произведений на языковую личность писателя» [Иванцова, 2010, с. 98]. Существенно, что подобного рода экстраполяция никак не предполагалась у Ю. Н. Караулова. Тем не менее в теории художественной речи, равно как и в читательской рефлексии, отождествление персонажа как особой языковой личности (или, по-другому,

реконструкция языковой личности персонажа) является отдельной аналитической операцией. Надо отметить, что в языковой личности персонажа могут получать «осколочное» отображение другие языковые личности (самого писателя, людей той же профессии, общественных взглядов и т. д.), хотя условность и типизация художественного образа делают необязательным (но отнюдь не исключительным!) «сличение» языковой личности персонажа с языковыми личностями когда-либо живших или ныне живущих людей.

Цель статьи — выяснить роль установки (согласно Д. Н. Узнадзе) в моделировании языковой личности художником слова, а именно в возникновении маркеров языковой личности персонажа в сфере взаимодействия лексики и синтаксиса. Предпринята попытка показать, как благодаря установке одно и то же слово (*факт*) в разных синтаксических условиях употребления формирует такой лексико-синтаксический маркер, который художниками слова применяется с целью идентификации и характеристики разных персонажей как языковых личностей.

Актуальность статьи связана с демонстрацией того, как учет прагматического уровня языковой личности позволяет осуществить принципиальную возможность дифференцировать разных персонажей, в речи которых преобладает один и тот же лексико-синтаксический маркер. Кроме того, актуальным является преодоление редукции модели языковой личности Ю. Н. Караулова, приводящей к автономизации структурно-семантического уровня и к преобладанию описания над объяснением.

Научная новизна статьи состоит в том, что в ней, с одной стороны, благодаря понятию установки (по Д. Н. Узнадзе) уточняются представления о языковой личности персонажа и о принципах ее лексико-синтаксического маркирования, а с другой стороны, раскрыта лингвоперсонологическая перспектива синтаксических условий употребления одного и того же слова в художественной речи.

В качестве материала для наблюдений взяты пьеса М. Горького «Дачники» (1904) и роман М. А. Шолохова «Поднятая целина» (1932—1960), в которых языковые личности таких персонажей, как Басов и Давыдов соответственно, отмечены довольно частотным использованием слова *факт* в разных синтаксических контекстах. Как кажется, привлечение художественных произведений, относящихся к разным родам литературы — драматическому и эпическому, не нарушает единства речевого материала, так как при изучении языковой личности персонажа анализу в статье подвергаются либо реплики — в пьесе, либо прямая (в основном!) и внутренняя речь — в романе.

2. Языковая личность персонажа и особенности ее лексико-синтаксического маркирования

В художественной литературе персонаж объективирован в описаниях (например, портретных), действиях и, главное, в своей речи и речевой кооперации с другими персонажами. Если вслед за М. М. Бахтиным считать, что «“специфицирующий” предмет романного жанра, создающий его стилистическое своеобразие, — говорящий человек и его слово» [Бахтин, 2012, с. 86], то еще в большей мере это утверждение относится к пьесе. Языковая личность персонажа — это не одна из сторон художественно-речевого изображения персонажа, не просто его речевой модус, а наиболее полная форма объективации личности персонажа как таковой. Подчеркнем, что языковую личность персонажа было бы неверно сводить ко всему сказанному (или написанному) ею, так как не все речевые проявления способствуют индивидуализации и, если угодно, узнаванию персонажа через его речь. За каждой языковой личностью персонажа стоит особая метаязыковая концепция художественного образа, концентрирующая представления писателя о том, как в речевой деятельности опосредуется то или иное социальное «лицо». Подобная метаязыковая концепция обуславливает создание языковой личности персонажа на основе принципа выдвижения, вследствие чего художник слова обращается к более характерным, согласно его метаязыковой оценке, словам, конструкциям, клише и т. д., превращая их в маркеры языковой личности персонажа. Тип маркера определяется его принадлежностью к уровню языка или к определенной форме межуровневого взаимодействия.

Представляется, что отбор (реже — создание) маркера для языковой личности персонажа зиждется на фиксированной установке (согласно Д. Н. Узнадзе), закрепляющей в речевом опыте художника слова взаимосвязь объективированного содержания и потребности в коммуникации. Как утверждал Д. Н. Узнадзе, «когда то или иное объективированное содержание окончательно формируется в виде определенной идеи, оно, в случае потребности в коммуникации, начинает воздействовать на субъекта и вызывает в нем определенную установку — специфическое, целостное отражение этой идеи, оформленное на фоне потребности в коммуникации, своеобразную модификацию личности (! — К. С.), модификацию, которая дает единый источник интеллектуального содержания этой идеи и ее звуко-моторного выражения» [Узнадзе, 2001, с. 398]. Однако языковая личность персонажа двойственна по своей природе: она создается писателем, но обладает собственным «рисунком» речевых действий. По этой причине, вкладывая в уста персонажа определенный маркер его языковой личности,

художник слова допускает «расслоение» установки. Установка «от автора» опирается на метаязыковые представления о речи того или иного социального типа, с одной стороны, и на собственный речевой опыт, в том числе связанный с литературно-эстетическими вкусами, с другой. Установка «от персонажа» отражает его вовлеченность в осуществление конкретных речевых действий, включая выражение модальных значений. «Расслоение» установки требует более сложной интерпретации маркера как эстетического языкового знака.

Лексико-синтаксический маркер является одним из типов межуровневых маркеров языковой личности персонажа. Он представляет собой наиболее частотное и концептуально значимое слово, характеризующее речевой «облик» персонажа, с учетом синтаксических условий его употребления. Возникает такой маркер в результате особого речетворческого процесса — лексико-синтаксического маркирования. Важно отметить, что лексико-синтаксическое маркирование относится к процессам, осуществляемым неоднократно и по-разному (гораздо реже — одинаково). Это означает, что художник слова стремится сделать лексико-синтаксическим маркером языковой личности персонажа вовсе не любое слово. Так, для включения в «орбиту» лексико-синтаксического маркирования больше подходят функциональные омонимы; слова, встречающиеся не только в свободно-синтаксических, но и во фразеологизированных построениях; стилистически нейтральные слова, соотносимые в то же время с разными социально-речевыми контекстами. Наоборот, при многократном воспроизведении одного и того же семантически тождественного слова в единственной синтаксической функции речь персонажа воспринимается как бедная и даже обесмысленная. Хотя, безусловно, подобное лексико-синтаксическое маркирование может быть уместным в сатире, где языковая личность персонажа привычно «развенчивает» его идеи или подчеркивает их отсутствие. В таких случаях установка «от автора» как бы поглощает установку «от персонажа».

Лексико-синтаксический маркер в речи персонажа выступает как намеренно воспроизводимый словесный элемент, отличающийся тождеством / различием синтаксической функции. При синтаксически различных употреблениях одна из разновидностей лексико-синтаксического маркера обычно становится доминантой. В сфере персонажного речевого взаимодействия лексико-синтаксический маркер может вступать в соприкосновение с повторами, в том числе с ироническими, или со «скрытыми» цитатами (как бы дискурсивными омонимами) из других функционально-речевых сфер. Воплощение языковой личности персонажа посредством

лексико-синтаксического маркера предполагает развертку в художественном произведении контекстов обыгрывания повторяемого слова, включая так называемые «гибридные конструкции» [Бахтин, 2012, с. 57]. Лексико-синтаксический маркер, на который сделал ставку художник слова при создании языковой личности персонажа, может оказаться предметом осознания в персонажной речевой кооперации и побудить кого-нибудь из персонажей, в том числе и обладателя этой речевой черты, к ее метаязыковому подчеркиванию или описанию.

Обращение к лексико-синтаксическому маркированию языковой личности персонажа посредством слова *факт* требует комментария. Это слово, восходящее к латинскому *factum*, было заимствовано из французского языка (ср. *fait*) [Виноградов, 1999, с. 710]. Иногда утверждается, что в начале 1830-х годов слово *факт* впервые стало употребляться Н. А. Полевым в журнале «Московский телеграф», хотя за несколько десятилетий до этого оно встречается у А. Н. Радищева [Сорокин, 1965, с. 60—62]. Против укоренения слова *факт* в русском языке выступали М. П. Погодин, И. И. Давыдов, Н. С. Лесков [Виноградов, 1999, с. 713]. Тем не менее слово *факт*, развивая бурную деривационную активность (ср.: *фактик*, *фактец*, *фактизм* и др.), наращивая сочетаемостный потенциал и участие в образовании функтивов (ср.: *тот факт*, *что*), попадая в состав фразеологизированных структур, постепенно закрепилось в русском языке. По-видимому, слово (и концепт) *факт* оказалось необходимым в идейной жизни русского образованного общества первых десятилетий XIX века.

Наблюдения над художественной речью XX века показывают, что совокупность функциональных особенностей слова *факт* обусловила создание на его основе лексико-синтаксического маркера языковой личности персонажа. Во-первых, слово *факт* предполагает широкий диапазон синтаксического употребления благодаря свойственной ему функциональной омонимии (имя существительное, вводное слово, частица) при инвариантных сигнификативных семах ‘действительное’, ‘истинное’ [ТСРЯ, с. 1044]. Во-вторых, слову *факт* присуще употребление в составе как свободно-синтаксических, так и фразеологизированных конструкций. В-третьих, обладая межстилевым характером, слово *факт* приобрело коннотацию приуроченности к определенным социально-речевым сферам (в частности, в качестве термина — к научному стилю, в функции вводного слова и частицы — к просторечию). В-четвертых, экспрессивно-модальные оттенки значения, возникающие в высказывании по преимуществу при несубстантивных употреблениях слова *факт*, способствуют привлечению к нему метаязыкового внимания.

3. Лексико-синтаксический маркер *факт* в пьесе М. Горького «Дачники» (языковая личность Басова)

В пьесе «Дачники», работа над которой шла в 1901—1904 годах, М. Горький изображает духовное оскудение интеллигенции, ее растерянность, неспособность к действию. Ключевая идея пьесы вложена в уста резонера: «Интеллигенция — это не мы! Мы что-то другое... Мы — дачники в нашей стране <...> мы ничего не делаем и отвратительно много говорим» (д. IV) [Г, с. 276]. По поводу адвоката Сергея Васильевича Басова — одного из главных персонажей в пьесе «Дачники» — В. И. Немирович-Данченко писал: «Он не оригинален <...> автор не нашел для этой фигуры ничего своего, самостоятельного» [Крюкова, 1970, с. 634]. Тем не менее при создании языковой личности Басова была применена такая индивидуализирующая черта, как лексико-синтаксический маркер *факт* в трех разновидностях. Отметим, что в речи Басова слово *факт* использовано десять раз.

Доминантой является употребление слова *факт* в предикативной конструкции *Это факт* (80 %), выступающей либо как самостоятельное предложение, либо как компонент бессоюзного сложного предложения. Ср.: *Он* (Влас. — К. С.) *мальчишка! Да! Это факт!* (д. IV) [Г, с. 286]; *Недостойные уважения женщины — лучшие достойных, они лучшие, это факт!* (д. III) [Там же, с. 256]. Речевой манере Басова свойственно эмфатическое подчеркивание предиката и ремы в конструкции *Это факт*, оформляемое разделяющим знаком «тире». Ср.: *Последнее время он* (Влас. — К. С.) *вообще ведет себя... нелепо как-то. Это — факт* (д. I) [Там же, с. 186]. Также слово *факт* употребляется в функции однословного присоединения, синкретизирующего свойства неполного двусоставного и нечленимого предложений. Ср.: *Вот ты говорила, это не то. То самое, самое оно! Факт!* (д. IV) [Там же, с. 267]. В речи Басова обыгрывается склонность к слову *факт*, когда под влиянием самоиронии он превращает свое любимое слово (маркер!) в имитацию утиных криков, содержащую звукоподражание и контактный повтор одинаковых звуковых сегментов. Ср.: Суслов. *Если человек философствует — он проигрывает...* Басов. *Факт, факт — как говорят утки...* (д. IV) [Там же, с. 265].

Очевидно, что слово *факт* в речи адвоката довольно частотно по той причине, что оно является термином правоведения и то и дело встречается в его профессиональном речевом общении. Этим термином обозначается «предусмотренное в законе обстоятельство, на основании которого возникает (изменяется, прекращается) конкретное правоотношение» [ЮЭС, с. 393]. Безусловно, ведя беседы с домочадцами и знакомыми в бытовой обстановке, Басов отвлекается от терминологического значения слова *факт* и вкладывает в него обобщенное значение 'то, что действительно

произошло, происходит, существует' [ТСРЯ, с. 1044]. Адвокатская привычка не просто сообщать о чем-либо, но находить факты и констатировать их наличие обусловила превращение слова *факт* в лексико-синтаксический маркер языковой личности персонажа.

На фоне употреблений слова *факт* в речи других персонажей М. Горький показывает, что Басову присуще использовать этот лексико-синтаксический маркер в непобудительных речевых действиях (ср.: Варвара Михайловна. *Не забудь об этом факте, когда будешь пить красное вино у Суслова...* (д. I) [Г, с. 187]), вне цитат и аллюзий (ср.: Влас. *Принимая во внимание обилие сих кляуз и исходя из этого факта, честь имею заявить вам, патронесса <...>* (д. I) [Там же, с. 194]), в контексте более конкретных утверждений (ср.: Марья Львовна. *А вы постарайтесь возвести случайный факт вашего бытия на степень общественной необходимости <...>* (д. I) [Там же, с. 204]). Кроме того, только у Басова слово *факт* чаще всего употребляется в восклицательных, то есть эмоционально пристрастных, высказываниях.

Предикативная конструкция *Это факт* стала доминантной разновидностью лексико-синтаксического маркера под взаимным влиянием установок «от автора» и «от персонажа». Именно эта конструкция, только с эмфатической паузой («тире»), употреблялась М. Горьким во время работы над пьесой «Дачники». Так, в письме К. П. Пятницкому от 13—17 октября 1901 года он сообщал: «Вы знаете: я напишу цикл драм. *Это — факт*. Одну — быт интеллигенции» [Крюкова, 1970, с. 630]. Вероятно, установка на эту конструкцию, фиксированная в речевом опыте художника слова, оказалась востребованной при отборе лексико-синтаксического маркера для языковой личности персонажа. Установка самого Басова заключается в констатации наличия факта, для чего как раз наиболее приемлема предикативная конструкция *Это факт*. Как представляется, имеет значение и то, что предикативная конструкция с анафорическим пропозитивным местоимением в функции подлежащего обладает книжно-речевой окраской и, возможно, привычнее для терминологического употребления слова *факт*.

4. Лексико-синтаксический маркер *факт* в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина» (языковая личность Давыдова)

В романе «Поднятая целина» М. А. Шолохов использует слово *факт* для индивидуализации языковой личности Семена Давыдова — коммуниста, бывшего матроса, слесаря Путиловского завода, двадцатипятилетия, приехавшего в Гремячий Лог по партийной мобилизации. В речи Давыдова слово *факт* употреблено двести шестнадцать раз (не считая его производных — прилагательного *фактический* и наречия *фактически*, при-

мененных семь и двадцать два раза соответственно). Слово *факт* свойственно как устной (прямой) речи Давыдова, так и внутренней. Ср.: — <...> *и того, кто поддался на кулацкую удочку и порезал скот перед тем, как вступить в колхоз, мы не примем, **факт!*** (кн. 1, гл. XV) [Ш, с. 107]; «Хромает он (секретарь. — К. С.) на правую ножку... **Факт!** — думал он (Давыдов. — К. С.), выходя из райкома. — Почитаю опять всю речь аграрникам. Неужели я ошибаюсь? <...>» (кн. 1, гл. II) [Там же, с. 11]. Иногда в диалогических репликах Давыдова слово *факт* применяется неоднократно, причем как в одинаковых, так и в разных синтаксических условиях. Ср.: — <...> *Каждый говорит по порядку, остальные молчат, **факт!*** <...> *У нас в цеху, например, или в клубе собрание, и вот идет оно порядком, **факт!*** (кн. 1, гл. XXI) [Там же, с. 134]; — *Это не ответ, **факт!** Ты должен был его арестовать за оскорбление власти, но не бить! Это поступок, позорящий коммуниста! **Факт!*** (кн. 1, гл. XXV) [Там же, с. 166]. Для языковой личности Давыдова на основе слова *факт* М. А. Шолоховым был создан лексико-синтаксический маркер в шести разновидностях.

В качестве доминанты выступает употребление слова *факт* в функции вводно-модального компонента с семантикой уверенности (77 %), когда говорящий не только «убеждается в реальности сообщаемого» [ОФ, с. 387], но и стремится подчеркнуть это, настаивает на этом. Вводно-модальное слово *факт* занимает в речи Давыдова разные позиции — начала, середины и конца предложения-высказывания, хотя размещение его в конечной позиции заметно преобладает. Ср.: — **Факт, верно!** *Не надо было нам на мелочи размениваться* (кн. 1, гл. XIX) [Там же, с. 127]; — <...> *Если это не политически сделать, то тут, **факт,** получится... получится, что это — вроде сигнала: «Спасайся, кто может!», «Бежи из колхоза!»* (кн. 1, гл. XXVIII) [Там же, с. 191]; — <...> *Я должен их научить работать и научу, **факт!*** (кн. 1, гл. XXXVI) [Там же, с. 262]. Хотя обычно «с увеличением объема высказывания уменьшаются возможности расположения вводных слов в его абсолютном конце» [Бухарин, 1984, с. 104], в речи Давыдова вводно-модальное слово *факт* то и дело ставится в конце не только значительных по объему, но и синтаксически сложных предложений-высказываний. Ср.: — <...> *На том месте и почва порыхлее, и трава пониже, и признаки круглых окопов видны как на ладони, **факт!*** (кн. 2, гл. XV) [Ш, с. 472—473]. Модальность, приводящая существительное *факт* к морфологической дефектности в позиции вводно-модального слова [Шигуров, 2017, с. 222] и к изоляции его «застывшей» формы от синтаксических связей, создает препятствие к его атрибутивному распространению. По этой причине Давыдов, реализуя атрибутивную интенцию к слову *факт*, прибе-

гает к иной разновидности лексико-синтаксического маркера — предикативной конструкции *Это факт*. Ср.: Давыдов улыбался, а про себя думал: «<...> *Это же просто трогательный факт!*» (кн. 2, гл. XIV) [Ш, с. 468].

В функции вводно-модального компонента слово *факт* чаще всего связано у Давыдова с чувственно-эмоциональным подчеркиванием небезразличности, заинтересованности, удовлетворенности, радости, а иногда — досады, разочарования, огорчения. В зависимости от силы эмоционального накала высказывание с вводно-модальным словом *факт* оформляется одним из двух конечных знаков препинания — восклицательным знаком либо точкой. При смене знака препинания в соседних предложениях-высказываниях с вводно-модальным словом *факт*, входящих в одну диалогическую реплику, писатель показывает изменение настроения Давыдова. Ср.: — <...> *А защищать партию от оскорблений можно было другим порядком, факт!* Ты пойди, остынь несколько и подумай, а вечером придешь на ячейку и скажешь, что я был прав, *факт* (кн. 1, гл. XXV) [Там же, с. 167]. Переходя от восклицательного высказывания к невосклицательному, Давыдов ослабляет силу эмоционального «нажима» на собеседника: вслед за резкой, почти осуждающей рекомендацией идет доброе, по-товарищески чуткое увещание. Вообще же, в речи Давыдова вводно-модальное употребление слова *факт* в основном приурочено к восклицательным высказываниям. Однако отметим, что иногда экскламативная «упаковка» таких высказываний выглядит не вполне обоснованно. Например: — Ты, отец, что-то преувеличиваешь опасность, *факт!* — неуверенно сказал Давыдов <...> (кн. 2, гл. X) [Там же, с. 416] (ср. эмоциональную «несогласованность» восклицательного знака в речи персонажа и семантики наречия в авторской ремарке).

Перейдем далее к краткому обзору иных разновидностей лексико-синтаксического маркера *факт*, гораздо реже встречающихся в речи Давыдова (от 5,5 % до 2 %).

Слово *факт* употребляется в функции самостоятельного предложения, носящего присоединительный характер внутри одной диалогической реплики Давыдова или являющегося реакцией на реплику другого персонажа. Ср.: — <...> *Только я у тебя больше не живу. Факт!* (кн. 1, гл. XV) [Там же, с. 105]; — <...> *А хорошие ребята в колхозе есть, согласен? — Факт!* (кн. 2, гл. VIII) [Там же, с. 382]. Во втором случае, по замечанию В. В. Виноградова, слово *факт* «в фамильярной устной речи с особенной интонацией употребляется в значении междометного предложения: ‘да, действительно так, бесспорная истина’» [Виноградов, 1999, с. 710]. По-видимому, в речи Давыдова это не что иное, как экспрессивный аналог предложения *Да!*, указывающего на положительный ответ.

Для речи Давыдова характерны такие разговорные сложноподчиненные предложения с изъяснительной придаточной частью, в которых слово *факт* образует главную часть. Ср.: — <...> *Ведь правильно поставленное молочное хозяйство будет давать огромный доход. Факт, что на этом деле колхоз поправит свой бюджет* (кн. 1, гл. XXXIX) [Ш, с. 296—297]. В таких конструкциях незавершенная по смыслу главная часть, с одной стороны, подчиняет придаточную часть себе (формальный показатель — союз *что*), а с другой стороны, осуществляет модальную характеристику придаточной части, указывая на высокую степень достоверности ее диктумного содержания (ср. трансформ: *То, что на этом деле колхоз поправит свой бюджет, — факт*). Однако в речи Давыдова контактная рамка *факт, что* может стоять на месте вводного компонента или вообще нарушать синтаксическую «плавность» речи. Ср.: — <...> *Вот поеду, наломаю им (работникам второй бригады. — К. С.) хвосты, тогда они у меня, факт, что не будут по половине... пахать!* (кн. 1, гл. XXXV) [Там же, с. 265]; — *Спасибо тебе за товарищескую, как бы это сказать... ну, факт, что за дружескую заботу!* (кн. 2, гл. VIII) [Там же, с. 392]. Понятно, что посредством такого рода синтаксической «рыхлости» здесь показана взволнованность персонажа, эмоциональная затрудненность его речи.

Предикативная конструкция *Это факт*, особенно сопровождаемая в речи Давыдова акцентирующими частицами, тяготеет к позиции финально-закрывающего вводного компонента. Ср.: — *Девочка ты фартовая, слов нет. И нога под тобой красивая, да только вот... только не туда ты этими ногами ходишь, куда надо, вот это факт!* (кн. 1, гл. XXVI) [Там же, с. 179]; «*Я ее (Лушку. — К. С.) перевоспитаю! <...> Из нее будет толк, уж это факт! <...>*», — *так, явно переоценивая свои и Лушкины возможности, самонадеянно думал Давыдов* (кн. 2, гл. III) [Там же, с. 325]. В таких случаях допустима замена на вводное слово *факт*. При материально выраженной связке предикативная конструкция *Это факт* становится полноправной частью бессоюзного сложного предложения. Ср.: — <...> *Уговори, да без нагана, чтобы из колхоза не выходили, это будет факт!* (кн. 1, гл. XXVIII) [Там же, с. 196].

В речи Давыдова слово *факт* употребляется не только в функции предиката, но и в функции актантных компонентов предложения-высказывания, занимая позицию субъекта и (чаще!) объекта. Ср.: — *А факты — вот они тебе налицо <...>* (кн. 2, гл. XIII) [Там же, с. 449]; — *Чем я тебе докажу? — Фактами* (кн. 2, гл. XIII) [Там же, с. 448—449]; — <...> *И от этого факта ты никуда не денешься* (кн. 2, гл. XV) [Там же, с. 472]. В подобном употреблении слово *факт* берется как знак неполной номинализа-

ции, относящейся к предшествующему высказыванию [Арутюнова, 1999, с. 488] и включаемой говорящим в новые субъектно-предикатные или предикатно-объектные отношения. Ср. левый контекст к последнему примеру: — <...> *сено увезено, а столбы перенесены* (кн. 2, гл. XV) [Ш, с. 472], указывающий на то, что объектное употребление слова *факт* соотносится с неполной номинализацией *то, что сено увезено, а столбы перенесены*, чем обеспечивается смысловая целостность и динамика речи.

Наконец, слово *факт* встречается в речи Давыдова в составе фразеологизированных конструкций. Ср.: — *А где ты до этого был? — Там же, где и ты! — В том-то и факт!* (кн. 1, гл. XV) [Там же, с. 106]; — *Ну, это ты уж, председатель, загнул чересчур... — Ничего не загнул, а факт остается фактом* (кн. 2, гл. XIII) [Там же, с. 448]. Отметим, что в первом случае нацеленность Давыдова на слово *факт* привела к непредусмотренной вариантности с привычным в узусе выражением *В том-то и дело!*. Под такую же по своей сути вариантность у Давыдова попадает и собственно идиома. Ср.: — <...> *Против факта не попрешь и выше кое-чего не прыгнешь* (кн. 1, гл. XXVIII) [Там же, с. 194] и *переть (идти) против рожна* — общезыковая идиома библейского происхождения.

В сфере речевой кооперации персонажей романа «Поднятая целина» слово *факт*, индивидуализирующее языковую личность Давыдова, попадает в фокус их метаязыкового внимания. Старик Обнيزов прямо говорит о «давыдовском словце *“факт”*» (кн. 2, гл. XXIII) [Там же, с. 564], Макар Нагульнов не раз подчеркивает в лице Давыдова источник обретения этого слова: — <...> *А что я выпил none, так это — факт, как Давыдов наш говорит* (кн. 1, гл. XXVIII) [Там же, с. 192]; — <...> *Уж это, как ты приговариваешь, факт!* (кн. 2, гл. XII) [Там же, с. 439]. Общение с гремеченцами приводит к проникновению в их речь привычного для Давыдова слова *факт* (равно как и в речь председателя — элементов верхнедонского диалекта, в том числе синтаксических [Прохорова, 1957, с. 70]). Чаше других слово *факт* употребляет в своей речи переимчивый дед Щукарь, воспринявший его как вводно-модальное слово — доминирующую в речи Давыдова разновидность лексико-синтаксического маркера *факт*. Ср.: — <...> *Да я с тобой разделяю так, что одни анфилады от тебя останутся, факт!* (кн. 2, гл. XVIII) [Ш, с. 508]; — <...> *Ежли хочешь знать, так ты ничуть даже не баба, а сундук с золотом, факт* (кн. 2, гл. XIX) [Там же, с. 510]. Если у деда Щукаря употребление слова *факт* приводит к созданию «гибридной конструкции» (по М. М. Бахтину), то, например, кузнец Шалый, взявшийся открыть Давыдову глаза на недостатки в его руководстве колхозом, повторяя в контексте фразеологизированной конструкции

сказанное председателем слово *факт* (в речи Давыдова — вводно-модальный компонент), пронизывает его едкой иронией. Ср.: — <...> *Нет, ты просто снятил с ума, **факт!*** — <...> *Погоди, придет время, откопает Лукич свою пушку да как шарахнет по твоей квартире прямой наводкой, тогда будет тебе **факт!*** (кн. 2, гл. XVII) [Там же, с. 497].

При употреблении слова *факт* персонажами, лишь ненадолго приехавшими в Гремячий Лог по служебным обязанностям, возникает резкий контраст с тем, как применяет это слово Давыдов. Так, Самохин, проверивший нарушения Макаром Нагульниковым линии партии во время коллективизации, использует слово *факт* как термин правоведения, чего почти нет у Давыдова. Ср.: — <...> *Гаев имел эту батрачку на основании договора с батрачком, расплату произвел сполна, я проверил этот **факт*** (кн. 1, гл. XXXII) [Там же, с. 228]. В речи представителя органов государственной безопасности Бойко-Глухова употребляется функтив *тот факт*, что, создающий так называемую вмещающую конструкцию [Шмелева, 2008, с. 58—59]. Ср.: — *О том, что Тимофей Дамасков по каким-то причинам откололся от группы Половцева <...>, свидетельствует и **тот факт, что он не передал единомышленникам Половцева станковый пулемет <...>*** (кн. 2, гл. XX) [Там же, с. 527]. Подобное употребление слова *факт*, свойственное книжной речи и ее ораторским «изводам», отсутствует в речевом багаже Давыдова. Очевидно, что М. А. Шолохов подчеркивает разговорную (даже, возможно, разговорно-просторечную) принадлежность лексико-синтаксического маркера *факт*, опосредующего в персонажной речевой кооперации языковую личность Давыдова.

Установка «от персонажа», обусловившая доминантный характер такой разновидности лексико-синтаксического маркера *факт*, как вводно-модальный компонент, заключается в экспрессивном подчеркивании персуазивности, состоящем в намеренном употреблении вводного слова *факт* в качестве показателя достоверности высказывания. Как отмечала В. А. Белошапкина, обычно достоверность «выражается имплицитно: самим фактом отсутствия показателей недостоверности», при намеренном же вводе в речь показателей достоверности (в частности, слова *факт*) «их функция — экспрессивная: они служат знаком того, что говорящий по каким-то причинам (например, предполагая, что у слушающего могут быть сомнения в достоверности того, о чем ему сообщается) настаивает на своей оценке информации» [Белошапкина, 1999, с. 773]. Давыдов не просто создает колхоз, он меняет жизнь людей, их представления о труде и о многом другом, спорит с ними, доказывая правоту своего дела и своих убеждений, поэтому он всякий раз стремится продемонстрировать

в своей речи уверенность в сказанном и достоверность утверждаемого. Перенасыщенность речи Давыдова словом *факт* в функции персуазивного вводно-модального компонента не превращает его, однако, в «слово-паразит», «не несущее <...> смысловой нагрузки и засоряющее речь» [КРР, с. 628—629], так как установка делает его употребление прагматически целесообразным. Привычка к слову *факт* (ср. иные показатели достоверности: *безусловно, конечно, разумеется* и т. д.) у Давыдова связана с социально-речевым генезисом его языковой личности: «тенденция к частому употреблению категорически утверждающих слов» типа *факт* идет от периода Гражданской войны и военного коммунизма [Селищев, 2003, с. 132].

Как представляется, установка «от автора» состоит в «завуалированной» полемичности по отношению к слову *факт*, отражающей эстетическое неприятие М. А. Шолоховым такого направления в литературной жизни 1920-х годов, как литература факта (ср. одноименный сборник, изданный в 1929 году). В рамках этого направления (О. Брик, В. Шкловский и др.) «объявили о кончине традиционного романа, о конце сюжета в пользу факта», «приучали людей ценить факты, документы, а не <...> художественную выдумку по поводу этих документов», стремились «освещать факт, а человека <...> оставлять в тени», выступали против обобщения в литературе [Заламбани, 2006, с. 15, 28, 56, 164]. Эти идеи не могли найти поддержку у М. А. Шолохова, убежденно придерживавшегося традиции русских писателей-классиков. Вспоминая о занятиях в студии прозаиков, которые посещал в Москве еще в начале 1920-х годов, М. А. Шолохов писал: «<...> мне “лекции” О. Брика, на коих я присутствовал три или четыре раза, дали столько же, сколько дает чтение поваренной книги, скажем, архитектору» [Федь, 1998, с. 37]. Н. В. Корниенко связывает заявление В. Шкловского в сборнике «Литература факта» о том, что «Паняева со своими воспоминаниями читается лучше, чем романы Шолохова», с полемическим ответом писателя — в первой книге «Поднятой целины», где он «включает в вопрос Разметнова к читающему Давыдову (“Романы читаешь! Либо песенник какой”) два самых тиражных издания рубежа 1920—1930-х годов (“Тихий Дон” и песенник “Красное Знамя”))» [Корниенко, 2003, с. 28—29]. Другой полемической реакцией в романе «Поднятая целина», несомненно, является слово *факт*, ставшее лексико-синтаксическим маркером языковой личности Давыдова — переустроителя жизни, принятого и поддержанного народом. В установке от «автора» наряду с острашением (кстати, термин В. Шкловского) присутствует литературно-эстетическое оправдание слова *факт*, создание при его содействии художественного образа.

По-видимому, вовсе не случайно после М. А. Шолохова в русской литературе слово *факт* обобщается как средство речевой индивидуализации персонажа, похожего своей биографией на Давыдова. Ср., например, речь имеющегося в романе Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015) эпизодического персонажа Денисова — бывшего моряка-балтийца и ленинградского рабочего, ставшего двадцатипятилетним: — <...> *Пережиток, конечно. Но удобно — факт!* [Я, с. 99]; — <...> *За январь-то уже полстада — тю! Факт* [Там же, с. 101]. Показательно, что слово *факт* используется современным писателем не только как аллюзия и интертекстуальный знак, но и как лексико-синтаксический маркер, причем в тех же разновидностях, которые преобладают в речи шолоховского персонажа.

5. Заключение

Итак, прагматически ориентированный анализ функционирования слова *факт* как лексико-синтаксического маркера языковой личности персонажа в пьесе М. Горького «Дачники» и в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина» позволяет сделать следующие выводы:

1. Языковая личность персонажа создается на основе метаязыковой концепции художественного образа, приводящей писателя к вполне определенному опосредованию персонажа того или иного социального типа через речь. Метаязыковая концепция художественного образа вводит в создание языковой личности персонажа принцип выдвижения. Вследствие этого языковая личность персонажа обычно идентифицируется и характеризуется посредством одно- и межуровневых маркеров.

2. Лексико-синтаксический маркер языковой личности персонажа — это межуровневый маркер, являющийся наиболее частотным и концептуально значимым словом в речи персонажа, отличающимся тождеством / различием синтаксического употребления. При синтаксической дифференциации в качестве доминанты выступает та разновидность лексико-синтаксического маркера, к которой чаще всего обращается в своей речи персонаж ($\approx 80\%$).

3. Применение любого маркера языковой личности персонажа, в том числе лексико-синтаксического, осуществляется на основе фиксированной установки (по Д. Н. Узнадзе). Для художественной речи вполне типично взаимодействие установки «от автора» и установки «от персонажа», превращающее обусловленный ими маркер языковой личности персонажа в эстетический языковой знак. Примечательно, что обнаружение установки «от автора» требует обычно не только начитанности, но и историко-литературных знаний.

4. Речевая индивидуализация посредством слова *факт* таких разных персонажей, как адвокат Басов («Дачники» М. Горького) и двадцатипяти-тысячник Давыдов («Поднятая целина» М. А. Шолохова), обеспечивается, во-первых, благодаря его включению в разные доминантные разновидности лексико-синтаксического маркера *факт*, во-вторых, благодаря его соотнесенности с разными установками как «от персонажа», так и «от автора». Кроме того, речевой индивидуализации Басова и Давыдова посредством слова *факт* способствует разное участие сформированного на его основе лексико-синтаксического маркера в персонажной речевой кооперации.

5. Несмотря на то, что лексико-синтаксический маркер *факт* ориентирован у Басова на книжную речь, а у Давыдова — на разговорную, всем его разновидностям свойственна эмоционально-экспрессивная акцентированность. По этой причине высказывания с лексико-синтаксическим маркером *факт* у обоих персонажей чаще всего являются восклицательными.

Источники и принятые сокращения

1. Г — *Горький М. Дачники* / М. Горький // Горький М. Полное собрание сочинений : художественные произведения в 25-ти томах : том VII : пьесы, драматические наброски : 1897—1906. — Москва : Наука, 1970. — С. 183—294.

2. КРР — *Культура русской речи* : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. — Москва : Флинта ; Наука, 2003. — 840 с.

3. ОФ — *Остроумова О. А. Словарь вводных слов, словосочетаний и предложений* / О. А. Остроумова, О. Д. Фрамполь. — Москва : СГУ, 2009. — 502 с.

4. ТСРЯ — *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2007. — 1175 с.

5. Ш — *Шолохов М. А. Поднятая целина* / М. А. Шолохов. — Москва : Эксмо, 2015. — 640 с.

6. ЮЭС — *Юридический энциклопедический словарь* / гл. ред. А. Я. Сухарев. — Москва : Советская энциклопедия, 1984. — 415 с.

7. Я — *Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза* / Г. Ш. Яхина. — Москва : АСТ, 2020. — 508 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека* : 2-е изд. / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки славянской культуры, 1999. — 896 с.

2. *Бахтин М. М. Слово в романе* / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 томах : том 3 : теория романа (1930—1961 гг.). — Москва : Языки славянской культуры, 2012. — С. 9—179.

3. *Белошапкова В. А. Обязательные субъективные значения в содержании предложения* / В. А. Белошапкова // Современный русский язык : учебник для филологических специальностей высших учебных заведений : 3-е изд. — Москва : Азбуковник, 1999. С. 771—774.

4. Бухарин В. И. Вводные слова в аспекте актуального членения / В. И. Бухарин // Вопросы языкознания. — Москва : Наука, 1984. — № 1. — С. 101—105.
5. Виноградов В. В. История слов : 2-е изд. / В. В. Виноградов. — Москва : ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 1999. — 1138 с.
6. Заламбани М. Литература факта : от авангарда к соцреализму / М. Заламбани. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2006. — 224 с.
7. Иванцова Е. В. Лингвоперсонология : основы теории языковой личности / Е. В. Иванцова. — Томск : ТГУ, 2010. — 160 с.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность : 2-е изд. / Ю. Н. Караулов. — Москва : Едиториал УРСС, 2002. — 264 с.
9. Корниенко Н. В. «Сказано русским языком...» Андрей Платонов и Михаил Шолохов : встречи в русской литературе / Н. В. Корниенко. — Москва : ИМЛИ РАН, 2003. — 536 с.
10. Крюкова А. М. Дачники (Комментарии) / А. М. Крюкова // Горький М. Полное собрание сочинений : художественные произведения в 25-ти томах : том VII : пьесы, драматические наброски : 1897—1906. — Москва : Наука, 1970. — С. 628—645.
11. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка : когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. — Москва : Знак, 2012. — 208 с.
12. Прохорова В. Н. Диалектизмы в языке художественной литературы / В. Н. Прохорова. — Москва : Учпедгиз, 1957. — 80 с.
13. Селищев А. М. Труды по русскому языку : том 1 : язык и общество / А. М. Селищев. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 632 с.
14. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка : 30—90-е годы XIX века / Ю. С. Сорокин. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965. — 565 с.
15. Узнадзе Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — 416 с.
16. Федь Н. М. Парадокс гения (Жизнь и сочинения Шолохова) / Н. М. Федь. — Москва : Современный писатель, 1998. — 408 с.
17. Шаталова О. В. Синтаксическая характеристика языковой личности / О. В. Шаталова. — Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012. — 200 с.
18. Шигуров В. В. Гибриды типа «правда», «факт» на шкале модальности существительных / В. В. Шигуров, Т. А. Шигурова // European research : сборник статей XI Международной научно-практической конференции. — Пенза : Наука и просвещение, 2017. — С. 220—224.
19. Шмелева Т. В. Вмещающая конструкция / Т. В. Шмелева // Вестник Московского университета : серия 9 : филология. — Москва : Издательство Московского университета, 2008. — № 4. — С. 58—67.

‘FACT’ AS A LEXICO-SYNTACTIC MARKER OF THE CHARACTER’S LINGUISTIC PERSONALITY

© Kirill Ya. Seagal (2021), orcid.org/0000-0001-9400-4587, Doctor of Philology, chief research scientist, Head of the Department of Experimental Speech Research, Federal State

Institution of Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), kjseagal@yandex.ru.

The role of the attitude in the formation of the lexical-syntactic marker of the character's linguistic personality is considered. An attempt is made to show how, due to the attitude, the same word (namely, the word 'fact') in different syntactic uses serves to create a lexical-syntactic marker used by word artists in order to identify and characterize different characters as linguistic personalities. The relevance of the study is to demonstrate that considering the pragmatic level of a linguistic personality makes it possible to differentiate different characters in whose speech the same lexical-syntactic marker prevails. The novelty of the research lies in the explanation of how the lexical-syntactic marking of the linguistic personality of different characters is carried out on the basis of the same verbal element. Based on the play by M. Gorky "Summer Residents" (Basov's linguistic personality) and M. A. Sholokhov's novel "Virgin Soil Upturned" (Davydov's linguistic personality), it is shown that the speech individualization of different characters through the word 'fact' is due to the inclusion of this word in different dominant varieties of lexicon the syntactic marker is a 'fact', correlation with different attitudes both "from the author" and "from the character", unequal participation in character speech cooperation.

Key words: linguistic personality; the character; pragmatics; installation; lexical-syntactic marker; dominant.

MATERIAL RESOURCES

- G — Gor'kiy, M. (1970). *Dachniki* [Summer residents]. *Gor'kiy M. Polnoe sobranie sochineniy: khudozhestvennye proizvedeniya v 25-ti tomakh: tom VII: pyesy, dramaticheskie nabroski: 1897—1906* [Gorky M. Complete works: works of art in 25 volumes: volume VII: plays, dramatic sketches: 1897—1906]. Moskva: Nauka. 183—294. (In Russ.).
- KRR — Ivanova, L. Yu., Skovorodnikova, A. P., Shiryayeva, E. N. (eds.). (2003). *Kultura russkoy rechi: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary-reference book]. Moskva: Flinta; Nauka,. 840 p. (In Russ.).
- OF — Ostroumova, O. A., Frampol, O. D. (2009). *Slovar' vvodnykh slov, slovosochetaniy i predlozheniy* [Dictionary of introductory words, phrases and sentences]. Moskva: SGU. 502 p. (In Russ.).
- Sh — Sholokhov, M. A. (2015). *Podnyataya tselina* [The virgin soil raised]. Moskva: Eksmo. 640 p. (In Russ.).
- TSRYa — Shvedova, N. Yu. (red.). (2007). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vkluycheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moskva: Azbukovnik. 1175 p. (In Russ.).
- Ya — Yakhina, G. Sh. (2020). *Zuleykha otkryvaet glaza* [Zuleikha opens her eyes]. Moskva: AST. 508 p. (In Russ.).
- YuES — Sukharev, A. Ya. (red.). (1984). *Yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Legal encyclopedic dictionary]. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. 415 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka: 2-e izd.* [Human language and world: 2nd ed.]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 896 p. (In Russ.).

- Bakhtin, M. M. (2012). Slovo v romane [Word in a novel]. *Bakhtin M. M. Sobranie sochineniy v 7 tomakh: tom 3: teoriya romana (1930—1961 gg.)*. [Bakhtin M. M. Collected works in 7 volumes: volume 3: theory of the novel (1930—1961)]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 9—179. (In Russ.).
- Beloshapkova, V. A. (1999). Obyazatelnyye subyektivnyye znacheniya v sodержanii predlozheniya [Mandatory subjective meanings in the content of the proposal]. *Sovremennyy russkiy yazyk: uchebnik dlya filologicheskikh spetsialnostey vysshikh uchebnykh zavedeniy: 3-e izd.* [Modern Russian: a textbook for philological specialties of higher educational institutions: 3rd ed.] Moskva: Azbukovnik. 771—774. (In Russ.).
- Bukharin, V. I. (1984). Vvodnyye slova v aspekte aktualnogo chleneniya [Introductory words in the aspect of actual division]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics]. Moskva: Nauka. 1: 101—105. (In Russ.).
- Fed', N. M. (1998). *Paradoks geniya (Zhizn' i sochineniya Sholokhova)* [The paradox of genius (Life and works of Sholokhov)]. Moskva: Sovremennyy pisatel'. 408 p. (In Russ.).
- Ivantsova, E. V. (2010). *Lingvopersonologiya: osnovy teorii yazykovoy lichnosti* [Linguopersonology: the foundations of the theory of linguistic personality]. Tomsk: TGU. 160 p. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2002). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost': 2-e izd.* [Russian language and language personality: 2nd ed.]. Moskva: Editorial URSS. 264 p. (In Russ.).
- Kornienko, N. V. (2003). «Skazano russkim yazykom...» *Andrey Platonov i Mikhail Sholokhov: vstrechi v russkoy literature* [«It is said in the Russian language...» Andrey Platonov and Mikhail Sholokhov: meetings in Russian literature]. Moskva: IMLI RAN. 536 p. (In Russ.).
- Kryukova, A. M. (1970). Dachniki (Kommentarii) [Summer residents (Comments)]. *Gor'kiy M. Polnoe sobranie sochineniy: khudozhestvennye proizvedeniya v 25-ti tomakh: tom VII: pyesi, dramaticheskie nabroski: 1897—1906* [Gorky M. Complete works: works of art in 25 volumes: volume VII: plays, dramatic sketches: 1897—1906]. Moskva: Nauka. 628—645. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (2012). *V poiskakh sushchnosti yazyka: kognitivnye issledovaniya*. [In search of the essence of language: cognitive research]. Moskva: Znaniye. 208 p. (In Russ.).
- Prokhorova, V. N. (1957). *Dialektizmy v yazyke khudozhestvennoy literatury* [Dialectisms in the language of fiction]. Moskva: Uchpedgiz. 80 p. (In Russ.).
- Selishchev, A. M. (2003). *Trudy po russkomu yazyku: tom 1: yazyk i obshchestvo* [Works on the Russian language: volume 1: language and society]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 632 p. (In Russ.).
- Shatalova, O. V. (2012). *Sintaksicheskaya kharakteristika yazykovoy lichnosti* [Syntactic characteristics of the language personality]. Sankt-Peterburg: LGU im. A. S. Pushkina. 200 p. (In Russ.).
- Shigurov, V. V., Shigurova, T. A., (2017). Gibridy tipa «pravda», «fakt» na shkale modal'yatsii sushchestvitelnykh [Hybrids of the type «truth», «fact» on the scale of modulation of nouns]. *European research: sbornik statey XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [European research: collection of articles of the XI International Scientific and Practical Conference]. Penza: Nauka i prosveshchenie. 220—224. (In Russ.).

- Shmeleva, T. V. (2008). Vmeshchayushchaya konstruktsiya [The enclosing structure]. *Vestnik Moskovskogo universiteta: seriya 9: filologiya*. [Bulletin of Moscow University: series 9: philology]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 4: 58—67. (In Russ.).
- Sorokin, Yu. S. (1965). *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka: 30—90-e gody XIX veka* [Development of the vocabulary of the Russian literary language: 30—90s of the XIX century]. Moskva; Leningrad: Nauka. 565 p. (In Russ.).
- Uznadze, D. N. (2001). *Psikhologiya ustanovki* [Psychology of installation]. Sankt-Peterburg: Piter. 416 p. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1999). *Istoriya slov: 2-e izd.* [History of words: 2nd ed.]. Moskva: IRYa im. V. V. Vinogradova RAN. 1138 p. (In Russ.).
- Zalambani, M. (2006). *Literatura fakta: ot avangarda k sotsrealizmu* [Literature of fact: from the avant-garde to socialist realism]. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt. 224 p. (In Russ.).